

Мой друг Олег Ефремов

Он — друг. Многим. Своим друзьям. Своим актерам. Если идти дальше — людям.

Парадокс в том, что он главный режиссер театра, сначала одного, потом другого. А у главных режиссеров множество главнорежиссерских болезней. В их руках судьбы зависимых, ранимых, мало зарабатывающих актеров. Как соблазнительно попользоваться этим!.. Другая болезнь: главные режиссеры ревнивы. К успехам других театров, к режиссерам, которых сами же пригласили в свой коллектив, а если у кого-нибудь спектакль необыкновенно удался и, хуже того, его актеры полюбили! И еще болезнь. Им дороги награды, они скромно и нетерпеливо ждут своей очереди. Один из таких главных (кино)режиссеров попросил написать для него сценарий. И — на ухо: «На Ленинскую премию!..» Так вот, у главного режиссера Олега Ефремова этих болезней нет. Ни одной. Он дает работать в своем театре режиссерам любых вкусов и направлений. Которые ему не совсем и понятны. Но а вдруг?..

Когда актер подал заявку на роль, которую блистательно играл сам Ефремов, он — во вред спектаклю — разрешил ему играть вместо себя. Правильно? Кто знает, иначе он не мог. Иногда, впрочем, неправильное бывает вернее правильного.

Рассказывают, что в школе учительница, опрашивая учеников, обратилась к нему, кем он хочет быть. Тощий, длинный мальчик ответил: «Хочу иметь свой театр». Вот что главное! Он — строитель театров.

Для начала построил «Современник». В те годы, когда никто еще ничего подобного не строил. Они одновременно появились — очень молодой Ефремов и очень молодые студийцы, теперь они уже знамениты. И спектакль, который ошеломил Москву усредненных академических театров. В «Современнике» было больше ночных лихорадочных споров, нежели во всех других московских театрах, вместе взятых. Спектакли отличались не только иной степенью житейской и социальной правды, но и ритмом, он тоже был лихорадочным. На сцене речь шла о том, что зрители уже понимали, но еще не решались говорить вслух. Паузы на размышление были не нужны.

Так же лихорадочны и стремительны были решения. Я написал пьесу «Назначение», которая убедительно не понравилась уважаемому мною человеку. Ефремов прослышал об этом, позвонил в Ленинград: привози. Я сказал: ничего не получилось, не хочу, чтобы это читали. Он ответил: я, мол, один прочту, никто не узнает. Приезжаю — собран худсовет. Это, говорит, ничего, свои. Вечером была назначена репетиция.

Вторым его театром стал МХАТ. Понадобилось

разделить его на две труппы. Добивался этого годы — добился. Хотя радости пока нет. И когда еще будет...

Почти весь срок своей жизни в театре он бился за «крамольные» пьесы. В каждое время наливаются свои крамолы.

Он знает правила этой игры. Запрещающие всегда упорны. Но он тоже упорен. Запрещающие всегда были по-своему умны. Но он был умнее их, хитрых, ушлых. Долголетняя борьба эта стоила ему дорого. Так, выигрывая, можно проиграть жизнь.

Сейчас мало у кого есть кумиры среди живущих и даже умерших людей. У него такие есть К Станиславскому, Немировичу-Данченко он относится молитвенно. Как и они, Ефремов предан театру «жизни человеческого духа».

Появлялись театры иные, условные, метафорические. И многие поспешали вслед им. Он — нет. Трудно оставаться собой, когда вокруг становятся другими, лучшими, нежели были до сих пор. Левые еще левей, правые еще правей, левые делаются правыми, правые — левыми. А у Ефремова какая-то неподвижная точка притяжения, от которой его так запросто не оторвать.

Он — свой сумятице человеческой жизни со всеми ее взлетами и уродствами. И поэзией. В небольшом телефильме он играл графомана, который по мере сил сочинял стихи. Ефремов так читал их, что шахтер из Донецка попросил в письме, чтобы Олег Николаевич прислал ему «свои» стихи, а он прочитает их жене.

Ни в театре, ни в кино он не играл отрицательных персонажей. Никому и в голову не приходило предлагать ему таких. Почему? Да потому, что он хороший человек. Говорят, хороший человек — это не профессия. В наши времена это выше профессии.

Он благородный человек — не сегодняшнее слово, не правда ли? Он не держит зла ни против кого. Не говорит плохо ни о ком. И не любит, когда о ком-нибудь говорят плохо в его присутствии. Это благородство поражает и при всей простоте его натуры даже сковывает. Надо дотягиваться до него. А трудно.

Так беспокойно на душе.
Добрее быть, твержу, добрее!
Умнее быть, твержу, умнее!
Но мало времени уже.

Проходя мимо его театра, иной раз не решаюсь зайти, тогда пишу ему письмецо и засовываю под стекло стола на служебном входе. Пусть эти строки будут таким письмом.

А. ВОЛОДИН.

● Народный артист СССР Олег Ефремов на репетиции.

Фото А. Чумичева [ТАСС].

СОВЕТСКИЙ РАБОТНИК

1 ОКТ 1987